

Николай Куценко

Свадьба

кошачий дом
ФЛЮИД
FreeFly

Николай Куценко
Свадьба (сборник)

ИД «Флюид ФриФлай»

2015

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

Куценко Н. В.

Свадьба (сборник) / Н. В. Куценко — ИД «Флюид ФриФлай», 2015

ISBN 978-5-906827-14-2

Сборник рассказов московского писателя Николая Куценко «Свадьба» посвящен нашим современникам, молодым и старым, мужчинам и женщинам, их судьбам за последние двадцать лет. Особенностью сборника является то, что судьбы героев раскрываются в переломные моменты их жизни, «точки разрыва», когда личность, характер, отношение к миру проявляются подлиннее всего. Часто это состояние преобразования, после которого герой либо находит себя, либо погибает. Странно и удивительно то, что в обыденных поворотах сюжета раскрывается философия бытия, новое понимание жизни и ее смысла открывается не только героям рассказов, но и читателю: откладываешь книгу в сторону и задумываешься, а не изменить ли и собственную жизнь, не начать ли жить в соответствии с истиной, а не случайными коллизиями происходящего? В этой книге вы найдете всё: любовь, измену, разочарование, глупость, подвиг и – ОТКРОВЕНИЕ. Нет малых и больших писателей, а есть те, кто честно в жизнь и в самого себя всматриваются, и те, кто пока по наивности пытаются «выдумывать». У Николая Куценко все подлинно, все – жизнь.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-906827-14-2

© Куценко Н. В., 2015
© ИД «Флюид ФриФлай», 2015

Содержание

Француз	7
Тигры	12
Лектор	15
Отель	19
Время	23
Борщ	30
Свадьба	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Николай Куценко Свадьба (сборник)

© Николай Куценко, 2016

© ИД «Флюид ФриФлай», 2016

Француз

Луи был влюблен: он не мог прожить без Марины ни одного дня. Каждое утро он просыпался раньше нее и варил кофе. Затем бежал в пекарню и покупал круасаны, любимое лакомство Марины. Когда та просыпалась, ее уже ждал накрытый завтрак. Так начинался каждый Маринин день в Париже. Они жили вместе уже второй месяц – у Луи был небольшой кондитерский бизнес, а Марина приехала в Париж на практику от своего института – учить французский язык.

На выходные они уезжали за город к друзьям Луи. Ему было лестно, что такая молодая и красивая девушка встречается с ним. Марина обладала уникальной красотой: внешне похожая на француженку – небольшого роста, худая и с черными выющимися волосами – она в то же время обладала чертами славянской внешности. Ее худоба сочеталась с красивыми и выпуклыми чертами тела, а лицо, хотя и было тонким, вовсе не казалось худым. Окончательно отличали ее от француженок большие голубые глаза, свойственные больше славянскому типу внешности.

Луи, увидев Марину впервые, сразу же подошел к ней и признался в своих чувствах, которые возникли у него мгновенно. Он знал: эта девушка его судьба. Его мало интересовало, кто она, откуда, богата или бедна, замужем или нет.

– Извините, я не знаю, как вас зовут, но это не так важно, дайте мне одну минуту или даже несколько секунд, – сказал он, подойдя к Марине впервые.

– Да... пожалуйста, – ответила тогда Марина, не понимая толком, что происходит.

– Я поражен вами, вашей красотой, я подумал, что если не заговорю с вами, то не прощу себе этого никогда.

Марина, не ожидавшая такого развития событий, была одновременно смущена и поражена поступком Луи. Обычно ей попадались скромные мужчины, не способные выразить свои чувства открыто и ярко. Марине всегда приходилось выдавливать из них признания, а когда это наконец-то происходило – она теряла к этим мужчинам интерес. Но тут все было иначе. Луи просто сразил Марину своим поступком – она увлеклась им буквально сразу и через неделю переехала к Луи в квартиру.

Луи родился в семье французских аристократов и, хотя сам не был богатым человеком, пытался соблюдать традиции своей семьи: посещал балы в Париже, ходил в оперу и числился членом одного из сообществ, пропагандирующих правила французского этикета. Он пытался вовлечь в свой образ жизни Марину, но все это ей было чуждо. Она родилась в пригороде Питера в семье офицера и выросла обычным советским ребенком. На все лето уезжала с родителями в деревню, где у них была дача, играла во дворе с детьми и ходила купаться на речку. Так прошло ее рядовое советское детство. Об этикете она слышала больше из учебников.

Поначалу манеры Марины смущали Луи, но он понял, что все это – не главное, что их чувства куда важнее и что если ему придется выбирать между сословием и Мариной, то выбор будет сделан в пользу последней.

Приближалось лето, и Марина планировала поездку домой – ей хотелось навестить родителей и побыть хоть немного на даче. Последнюю она очень любила: отец начал строить ее, когда Марина была еще ребенком, и она как могла помогала ему, участвуя в процессе строительства. Поэтому дача была для нее вторым домом.

– Луи, я хочу на месяц уехать домой, к родителям. Я уже очень соскучилась по ним!

– Поезжай, конечно, но если ты не против, то я тоже хотел бы приехать, хотя бы на недельку, к тебе.

– Я не против, но мы на дачу поедem жить, ты там не сможешь со своими манерами. Там даже туалет на улице! – сомневалась Марина, приглашая Луи.

– А вот и смогу, мы это обсуждали уже много раз. Ради тебя я все смогу! – уверенно ответил тот.

– Ну, раз сможешь, то приезжай, – все еще сомневаясь, согласилась девушка.

Марина улетела через две недели. Родители встретили ее в аэропорту и сразу же увезли на дачу, куда они переехали на все лето. Марина была счастлива – ближайший месяц ей предстояло провести в месте, где она прожила почти все свое детство, в месте, с которым были связаны ее самые светлые воспоминания. Про Луи она позабыла почти сразу: оказалась погруженной в родительские чувства и эмоции. Гости приходили к Марине каждый день. Это были соседи, одноклассники и просто друзья ее детства.

Луи звонил Марине по нескольку раз в день, а когда не звонил – посылал эсэмэски и с нетерпением ждал на них ответа. Так прошла неделя, в конце которой Луи уже чувствовал себя брошенным и забытым. Его настроение окончательно испортилось, а аппетит пропал. Он понимал, что не может без Марины больше ни дня.

– Марина, я лечу к тебе. Я больше так не могу, – позвонил он ей.

– Когда???

– Завтра, завтра утром... первым же рейсом!

С одной стороны, такое внимание и забота Луи нравились Марине, но с другой – она уставала от его навязчивости и понимала, что их брак может превратиться для нее в постоянное преследование. К тому же Луи был очень ревнив. Вечером Марина решила поделиться своими переживаниями с мамой:

– Луи – он хороший, красивый, надежный, но... даже не знаю, – начала она.

– Что не знаешь?

– Не знаю, готова ли я выйти за него. Он – другой, понимаешь? Манеры все эти, этикет постоянно...

– А это разве плохо?

– Это неплохо, но это все – другое, не наше, понимаешь? Я выросла в другой среде. Вот мы сейчас едим бутерброд с докторской колбасой, а он бы не смог так!

– Докторскую не любит? – искренне удивилась мама.

– Да при чем тут докторская?! Ты даже не понимаешь, о чем я говорю!

Мама действительно не понимала. Всю свою жизнь она прожила в военном городке, из которого никуда не выезжала, кроме дачи. Французов она видела только по телевизору. Про этикет что-то слышала, но когда Марина назвала это слово, то почему-то подумала, что это какое-то французское блюдо. В общем, была Любовь Ильинична, а так ее звали, далека от всего, что происходило за пределами городка, в котором она жила, и переживания дочери не были ей понятны.

Луи прилетел с цветами. Он вез их из Франции в специальном горшке. С собой он также захватил круасаны, которые любила Марина. Луи весь светился от радости, когда увидел свою избранницу.

– Наконец-то, любовь моя... наконец-то я тебя увидел, – сказал он Марине, как только ее увидел, и протянул цветы.

– Здравствуй, милый, ну а теперь на дачу, мама уже ждет нас.

– На дачу! Я столько про нее слышал. Мне не терпится там оказаться!

Когда они приехали, Любовь Ильинична уже доваривала свой фирменный борщ – хотела удивить будущего зятя. Луи привез цветы и будущей теще. Он сразу же протянул ей букет, как только увидел. Любовь Ильинична от неожиданности села на стул: последний раз цветы ей дарил муж на Восьмое марта лет десять тому назад.

– Ой, Господи, Маринка, какие красивые цветы! Скажи Луи спасибо. Как там поихнему спасибо?

Марина поблагодарила своего молодого человека от имени мамы.

– Милости просим на кухню, отведать борщечка нашего. Специально для зятя варила! – продолжила Любовь Ильинична.

Луи прошел на кухню, предварительно помыв руки в тазу. Иван Петрович, отец Марины, в этот момент разливал по рюмкам водку, а в бокалы – советское шампанское. Увидев гостя, он сразу же кинулся жать тому руки и что-то нервно объяснять. По-русски. Говорил Иван Петрович, как всегда, про политику, про конфликты в мире и в конце обычно давал свои прогнозы. Собеседников своих он не слушал и их мнением не интересовался. Вот и сейчас он не придал ни малейшего внимания тому, что Луи француз и его не понимает. Под столом ходила облезлая кошка Мурка и терлась о брюки Луи, которые он купил перед вылетом в одном из самых модных магазинов Парижа, пытаясь произвести впечатление на Марину.

– Марина, а нельзя ли это животное убрать? Оно испачкает мне брюки, – простонал Луи, корчась от брезгливости.

Не успел он договорить, как Любовь Ильинична схватила кошку под брюхо, поднесла к лицу и поцеловала ту в нос:

– Мурочка, киска моя, познакомься с гостем, это наш будущий зять, вам надо подружиться, – сказала она и сунула кошку в руки Луи.

Тот от неожиданности скинул кошку вниз, вскочил со стула и прокричал:

– Не надо, я боюсь, у меня... аллергия, – зачем-то соврал он и побежал мыть руки в тазу.

Любовь Ильинична не поняла реакции гостя:

– Маринка, он что у тебя, кошек боится? Во дает! Мужик, а котов боится! – И будущая теща громко засмеялась.

– Да нет, у него аллергия! Отстаньте от него со своей кошкой, – соврала Марина.

– Ну, давайте за встречу! – внезапно заговорил Иван Петрович, хотевший уже продолжить свой разговор про политику. После выпивки он обычно начинал говорить громче и эмоциональнее.

Все чокнулись и выпили. Луи внезапно покраснел и, схватившись за шею одной рукой, другой помахал в воздухе, показывая, что ему срочно требуется вода. Марина сразу же протянула ему стакан с водой.

– Фу, какая дрянь... Я чуть не задохнулся. Что это за гадость? – спросил Луи у Марины, едва отдышавшись.

– Ты что ему налил? – спросила Марина у отца.

– Как что? Первак! Мать вчера выгнала, отличный напиток. Крепковатый, правда, ну так он мужик у тебя или баба?

– У них там не пьют такую дрянь! Налейте ему шампанского! – Марина взяла рюмку с остатками самогона и понюхала ее. – Фу, какая гадость, как ты только ее пьешь?

– Ну, под борщ у нас положено, – вмешалась Любовь Ильинична, защищая мужа. – Сама знаешь.

Все сели есть борщ, и в комнате был слышен лишь стук ложек. Иногда Любовь Ильинична дула на ложку как-то особенно громко, затем втягивала в себя охладившуюся жижу, а ее муж что-то начинал говорить про Путина, но потом так же быстро замолкал.

– Марина, а что это за суп? Тут все плавает в тарелке целиком! – спросил Марину Луи, так и не притронувшись к борщу.

– Это вареные овощи плавают.

– Так они же почти целые тут, не перемолотые, как пюре.

– Да, это борщ, Луи. Его так едят.

– Извини, но у нас такие супы перемалывать положено. Целиком овощи у нас только свиньям дают, пардон... но я такое есть не буду. И еще он горячий, как кипяток!

– Мама, у тебя есть миксер? – вскочив, прокричала Марина. Она уже начинала выходить из себя. Затея с приездом француза не нравилась ей с самого начала.

Любовь Ильинична испугалась и от этого даже немного подскочила. Иван Петрович разлил по рюмкам самогон и, не дожидаясь тоста, сразу выпил.

– Есть, а что? Борщ не нравится? – испуганно проговорила она.

– Да этот козел только протертое ест. Давай ему миксером перемелем и в холодильник поставим, чтобы остыл. А то он тут с голода сдохнет!

Любовь Ильинична все поняла: схватив со стены миксер, она вставила его в кастрюлю с борщом, и в течение пары минут суп-пюре был готов. Чтобы кастрюля быстрее остыла, она поставила ее в морозилку.

– Что она делает? – спросил Луи.

– Борщ-пюре тебе готовит! – нервно отрезала Марина.

– А что это такое?

– Это? – Марина взяла в одну руку тарелку с супом и показала на нее указательным пальцем. – Это – борщ-пюре. Наше новое русско-французское блюдо.

В этот момент Иван Петрович выпил четвертую рюмку и повернулся в сторону холодильника.

– Ну, Путин – он мужик! Не то что Обама этот, тьфу – хуже бабы!

– Марина, а с кем твой отец разговаривает? – испугавшись, спросил Луи.

– С холодильником, он после четвертой рюмки всегда должен с кем-то поговорить о политике. Ты-то не можешь ему компанию составить, вот он с холодильником и говорит! – со злобой ответила Марина.

– Это... это кошмар! Это ненормально, Марина!

– Ты лучше суп ешь. Нормально или нет – не нам судить, каждому свое.

Луи стал есть суп. По его лицу было видно, что тот ему нравится. После третьей ложки он улыбнулся и посмотрел на Марину каким-то детски-невинным взглядом:

– Вкусно, это совсем другое дело. Очень вкусно!

– Ну, слава Богу! – сказала Марина, выдохнув. Она уже была утомлена иностранцем и думала, как отвезти его в отель.

Луи поел и запросился в туалет. Марина вывела его на улицу, подвела к туалету и, объяснив, как им пользоваться, ушла в дом. Луи снял штаны, устроился как мог, и стал разглядывать куски газеты лежавшие рядом. Причину появления последних он не знал и даже боялся предположить. Взяв их в руки, Луи стал изучать странные для него русские буквы. В этот момент в туалет, через дырку в одной из досок, заползла кошка и стала тереться о ноги Луи.

– Брысь, брысь, пошла! Фу...

Но кошка не унималась и мурлыкала сильнее, чем обычно.

– Гадость какая, брысь.

У Луи от неудовольствия скривилось лицо, и он выскочил из туалета как ошпаренный. Не успев по дороге застегнуть штаны, Луи забежал на кухню и прокричал:

– Марина, там кошка в туалете. Она мне не дает это сделать... лезет ко мне носом своим. Прямо туда...

– Все, хватит! Мы уезжаем! – прокричала Марина.

Иван Петрович опрокинул уже седьмую рюмку и заговорил с холодильником:

– Так... так Меркель-то что? Она же не самостоятельная фигура!

Любовь Ильинична делала фарш для пельменей, а Мурка уже лазила рядом по столу, иногда нюхая мясо своим мокрым носом.

– Сегодня вечером пельмени полепим. Дам зятю попробовать! – сказала она, посмотрев в сторону мужа и улыбнувшись.

– Так Обама... – сказал Иван Петрович и ударил кулаком по холодильнику.

Марина теряла терпение. Она посмотрела на Луи: его штаны так и не были застегнуты, под ширинкой виднелись белые трусы. Лицо возлюбленного исказилось от ужаса, а губы тряслись:

– Марина, я хочу домой. Увези меня, пожалуйста! Я прошу тебя.

Через час на дачу приехало такси. Марина назвала адрес отеля, предварительно позвонив туда и забронировав номер. Нехотя поцеловала Луи в щеку и помогла ему забраться в машину. Перед отъездом Луи спросил ее:

– А почему в туалете у вас лежат газеты?

– Как почему? Чтобы читать! – спокойно ответила Марина.

– А... – с пониманием ответил тот. Вечером они всей семьей ели пельмени, которые налепила Любовь Ильинична. Мурка лежала на коленях у Марины и тыкалась ей в руку своим мокрым носом. На улице шел сильный дождь, отчего внутри дома становилось еще уютнее.

Тигры

Джая сидела на корточках в зарослях бамбука. Вокруг нее кругами ходил тигр. Он был еще маленьким. Скорее всего, даже детенышем, которому не было и года. Джая и сама была еще ребенком, на днях ей исполнилось семь лет. Но она знала о тиграх, да и в целом о всех хищниках, которые могли прийти в деревню, почти всё. Всё, чтобы можно было от них спастись. Отец учил выживать Джаю в джунглях с того момента, как она встала на ноги. Маленькая девочка, едва научившись ходить, могла уже взобраться на небольшое дерево, ловко бросить камень или просто зареветь на хищника звериным рыком. Так, чтобы отбить у последнего всякое желание связываться с ней. Отец Джаи, прирожденный охотник, обучил свою дочь всем этим трюкам. Но сегодня Джая впервые столкнулась с настоящим тигром так близко. До этого она видела их только издали. Тигренок смотрел на нее, немного покачивая головой и облизывая зубы, и потихоньку приближался к девочке. Джая почувствовала, что на ее спине выступил пот, а по телу пробежала чуть заметная дрожь.

«Возьми себя в руки... Не тигр убьет тебя, а твой страх», – вдруг вспомнила Джая слова отца и встрепенулась.

Отдышавшись и немного успокоившись, она схватилась за стебель бамбука и резким движением отломил от него кусок. В ее руке появилась небольшая палка, на которую сразу же посмотрел тигр и зарычал. Палка явно его разозлила. Джая потихоньку наклонилась вперед и взяла с земли самый большой камень, что был рядом. Теперь она была готова к схватке. Страх окончательно отступил, и на смену ему пришла злость.

– Уррр, – донеслось со стороны зверя. Джая стояла не двигаясь и смотрела в глаза хищнику.

– Уходи... – Она махнула палкой в сторону тигра и показала тому камень. Тот сделал шаг назад, но через мгновение опять стал осторожно наступать. Джая понимала: тигр просто так ее не оставит и рано или поздно нападет. – Уходи по-хорошему, и я тебя не трону.

Тигр снова зарычал и пошел вперед, прямо на Джаю. Но в этот раз быстро, ускоряя свой шаг и потихоньку переходя на бег. Через мгновение он должен был прыгнуть на девочку. Понимая, что настало идеальное время для атаки, Джая кинулась на зверя и со всей силой ткнула палкой ему в морду. Она знала, что надо попасть в глаз или в крайнем случае в нос, чтобы отпугнуть зверя. В противном случае шансов спастись не оставалось.

Услышав звериный рев и осознав, что атака была успешной, Джая ударила тигра по голове камнем изо всех сил, что у нее оставались. Зверь заревел так, что содрогнулась вся деревня, на вой побежали ее жители, среди которых был и отец Джаи. Когда он прибежал, дочка сидела на траве и плакала – рядом, издыхая, бился в судорогах тигр.

Про маленькую девочку по имени Джая, победившую тигра, на следующий день говорила вся деревня, а позже и город – районный центр, находившийся рядом. Джаю даже наградили за смелость и мужество. Отец повез дочь в районный центр, где и состоялась процедура награждения: Джае вручили особую грамоту, подписанную мэром, и небольшую сумму денег. Это был самый счастливый день в жизни отца Джаи – от гордости за дочь у него даже выступили на глазах слезы. Последний раз он плакал еще в детстве.

Прошли годы, Джая выросла и переехала в город, где поступила в финансовый колледж. Закончив его с отличием, она получила приглашение пройти стажировку в крупной американской корпорации в Штатах. Для нее это был шанс: Джая всегда мечтала уехать из Индии в Европу или в Америку, мечтала увидеть мир и путешествовать... все время путешествовать, при любой возможности.

Чтобы закрепиться в компании, Джая работала по шестнадцать часов в сутки, хватаясь за любое задание, доказывая, что ее выбрали не зря, что она сможет оправдать доверие. На

выходных она учила английский язык с преподавателем – хотела поскорее избавиться от акцента, хотела, чтобы в ней все видели американку. Джая была уверена, что это поможет ей пробиться в компании. Ей так хотелось вверх – туда, где обитают ее боссы, туда, где больше нет проблем с деньгами, туда, где вокруг тебя камеры и фотоаппараты.

Прошло несколько лет, Джая уже руководила большим финансовым отделом. От ее акцента не осталось и следа. Старые индийские платья давно были заменены новыми модными брендами, а кожа Джаи отдавала загаром, полученным в солярии. Она приезжала в офис на дорогом автомобиле, а вечером ужинала в престижных ресторанах.

Она поднялась в свой кабинет и увидела письмо от шефа. Тот просил ее зайти. Не дочитав сообщения, Джая побежала к начальнику.

– Доброе утро, Джордж, вы хотели меня видеть? – начала Джая.

– Здравствуйте, Джая. Именно. У меня для вас есть задание. Вы же хотели съездить в Париж?

– Да... очень, – засмушалась Джая, которая действительно давно мечтала туда слетать, но поездка как-то не складывалась.

– Так вот, там будет выступать один из наших лидеров, больших лидеров!

– И что я должна сделать? – испуганно спросила Джая, не понимая, что от нее хотят.

– Сущий пустяк, – продолжил босс, – поезжайте туда и задайте ему пару вопросов.

– Каких?..

– Да любых! Про него, про компанию, главное – содержательных вопросов и ярких! Чтобы он обратил внимание на вас! Может, даже запомнил! Это же такой шанс – выступить перед таким человеком! Вы же хотели расти? Так вот, запомните ему каким-нибудь оригинальным вопросом.

– Я понимаю вас... понимаю... я все сделаю, – замешкалась Джая, слегка опешив.

– Вот и славно, что-то вы вся дрожите. Это же честь, это же шанс! И он не каждому достается. Вам – за вашу работу и преданность компании!

– Спасибо. Я ценю это. Я задам ему хороший вопрос.

Джая купила билеты в Париж и забронировала отель. Вылет был через пару дней. Она пришла домой и стала думать, о чем спросить лидера. Джая осознавала всю серьезность предстоящей встречи – на нее посылали только лучших сотрудников, будущих лидеров компании. Она также знала, что в зале будут сидеть наблюдатели и отмечать выступление участников, оценивать качество их вопросов. Изучив всевозможные материалы про компанию, Джая решила немного отдохнуть и наконец-то поужинать. Как только она накрыла на стол, ей позвонила мать:

– Джая, милая, отец совсем плох. Врачи говорят, долго не протянет. Он хочет тебя видеть, хочет попрощаться с тобой.

– Я... я не могу сейчас. Мама, там форум. У меня вопросы. Я выступаю! Я сразу из Парижа прилечу к вам...

– Он может не дожждаться тебя, Джая. Прилетай сейчас.

– Но у нас так нельзя. Это шанс! Меня наконец-то могут заметить. Если я не полечу... если не я, то пошлют кого-то другого. Тут все сложно, мама! Тут правила! Ты просто не понимаешь этого, – стала кричать в трубку Джая.

– Джая, он может не дожждаться тебя. Он хочет тебя видеть перед смертью.

– Я не могу, мама. – Джая заплакала и положила трубку. Через день она улетела в Париж.

В зале сидело человек сто. Лидер стоял на сцене, прижимаясь телом к кафедре и жестикулируя правой рукой. По делу и без дела. По повадкам руководителя было видно, что выступает он если не каждый день, то уж через день – точно. Люди в зале боролись за право задать вопрос первыми. Кто-то, получив наконец это право, прокричал:

– Скажите, а как вам удалось сделать такую блестящую карьеру? У вас есть рецепт, которым вы с нами поделитесь?

– Я всю жизнь работал, всю жизнь... сколько себя помню. Как только я закончил колледж и попал в компанию, я все время трудился – по шестнадцать, по восемнадцать часов я вкалывал! Вот и весь секрет!

Зал зааплодировал. Прозвучал следующий вопрос.

– А как вы отдыхаете? – его задал тощий китаец в какой-то нелепой кофте.

– Я редко отдыхаю, я почти все время в полетах. Но это мой выбор и я о нем не жалею!

Потихоньку очередь дошла до Джаи. Она долго ждала этого и стала нервничать. По телу пробежала дрожь, и дыхание стало учащаться. Ей становилось страшно. Она вдруг ощутила всю важность происходящего, всю ценность этого события. Она поняла, что сейчас ее записывают камеры и что трансляция идет на весь мир. И что любая оплошность, любая неточность будет видна всем и может погубить ее карьеру. У Джаи стало перехватывать дыхание и задрожали коленки. Когда ей передали микрофон, она уже с трудом могла говорить, а ее руки нервно тряслись. Джая вдруг почувствовала, что в левом кармане завибрировал ее мобильник. Она судорожно его достала и увидела, что ей звонит мать.

«Видимо, с отцом все плохо», – подумала Джая и почувствовала нахлынувшее отчаяние, от которого сдавило всю грудь. Ей было невыносимо тяжело и хотелось поскорее убежать из этой комнаты, куда-нибудь скрыться, да хоть под землю провалиться, лишь бы не оставаться тут. Шли секунды.

– Девушка, задавайте вопрос, мы ждем, – нарушил тишину ведущий.

– Вам... вам когда-нибудь было плохо? Вам было страшно из-за того, что творится вокруг вас? – еле выдавила из себя Джая. По щекам ее стекали слезы, размывая темную тушь. В кармане продолжал вибрировать телефон.

По залу пробежал легкий гул. Все были в недоумении от вопроса. Лидер тоже немного опешил и даже прокашлялся перед ответом.

– Страшно? Да... наверно. Я помню, мы заключали контракт с японцами и они не хотели подписывать его. Мне позвонил президент... – Джая перестала слышать, что он говорил, в ее голове стоял гул. – Это было действительно страшно, я боялся, что мы так и уедем – не подписав. Вот тогда мне чуть не стало плохо!

– Извините, – не дождавшись конца ответа лидера, Джая выбежала из аудитории. Вся заплаканная, она села в такси и поехала в аэропорт, где купила билет на ближайший рейс в Индию.

Она прилетела домой поздно вечером. Отца уже похоронили. Весь дом был заполнен родней, большинство из которой либо плакало, либо причитало, издавая странные звуки. Мать стояла в стороне от всех и смотрела куда-то вдаль. Она не плакала: ее лицо было бледным, как стена. Было видно, что мать находится в глубоком шоке. С отцом Джаи она прожила большую часть своей жизни. Джая подошла к матери и тихонько ее обняла. Та, ничего не ответив, протянула Джае конверт. Джая распечатала его и достала записку с текстом:

«Джая, милая моя девочка, я научил тебя не бояться тигров и диких зверей, но не научил не бояться людей. Но ведь последние боятся первых, а первых ты побеждала еще в детстве. Прости меня за все. Твой отец».

Джая села на корточки и заплакала.

Лектор

Филипп стоял перед столом главного буровика одной крупной сервисной компании и пытался объяснить цель своего визита. На бледном лице гостя проступали капельки пота, было видно, что Филипп чувствует себя не комфортно и сильно нервничает.

– Мы продаем программное обеспечение в области бурения скважин. – Сказав это, он выдержал паузу, видя полное безразличие на лице буровика. – Это специализированный софт такой.

– Что еще за софт такой? – довольно грубо спросил буровик, закуривая сигарету.

– Это инженерные расчеты, – пояснил Филипп, но по лицу буровика он понял, что яснее тому не стало. – Ну это программный продукт, софт для расчетов, инженерный.

Буровик немного задумался – в его голове блуждали ведомые только ему мысли. Он поднял глаза к потолку, резко выдохнул и радостно прокричал, словно осознав что-то очень важное:

– Понял, это же Windows. Ты бы сразу так и сказал, а то софт какой-то. Придумают же терминов... мать их! – И буровик опять принялся что-то чертить в своем блокноте, выдыхая густые клубы дыма после каждой затяжки.

– Можно сказать, что так, что это Windows, но вот только для буровиков, для инженерных расчетов как бы. То есть калькулятор своего рода, работающий на Windows, – аккуратно стал объяснять Филипп.

– Но это все мелочи жизни уже. В общем, суть я понял. Но нам не нужен Windows. Или как его там... мать его?

– А в чем же вы инженерные расчеты проводите? Если, конечно, не секрет?

– Да нет никакого секрета, все на бумаге делаем.

– А сейчас это можно уже на компьютере делать, ведь это гораздо удобнее и точнее.

– Ладно, Филипп, хватит мне мозги засирать ерундой всякой, сходи к Ивану Петровичу... Знаешь его? У нас он по этой части, а мне уже на объект надо ехать.

Буровик встал со стула, быстро оделся и позвонил водителю. Пройдя мимо Филиппа, он нехотя протянул тому руку и вышел из кабинета, сильно хлопнув дверью. Филипп вздрогнул и замер на месте. В кабинете стало тихо. Так тихо, что Филипп закрыл глаза и прислушался к этой звенящей тишине. Становилось легче, напряжение постепенно отступало. Внезапно он вспомнил университетские аудитории, в которых когда-то читал лекции по истории. Вспомнил их запах и чувство защищенности, которое когда-то там было. Его лекции посещали все студенты курса – Филипп был лучшим преподавателем и блестящим лектором. Даже те, кто не любил историю, приходили просто послушать Филиппа. Лекции несли людям не только глубокий и тщательно выверенный материал, но и заряжали всех какой-то неведомой позитивной энергетикой. Люди выходили с них словно заново родившиеся, чистыми и просветленными. Филипп же, в свою очередь, будучи блистательным оратором, раскрывал все свои способности во время выступлений и чувствовал отдачу со стороны зала, чувствовал любовь и уважение слушателей. Но это было давно. Так давно, что Филипп успел позабыть те времена.

В начале девяностых большую часть преподавателей университета сократили, но Филиппа решили оставить как одного из лучших педагогов. Через полгода он ушел сам. Из-за небольшой зарплаты ему хронически не хватало денег на содержание семьи. Жена все время ворчала, а появление еще одного ребенка заставило Филиппа всерьез задуматься о поисках новых источников доходов. Поначалу Филипп пробовал заниматься репетиторством, но уроки истории брали неохотно, больше из сострадания и жалости к Филиппу. И

тогда он решил, что в жизни надо что-то менять. Причем кардинально. Решение пришло спонтанно, вместе с другом, приехавшим в гости из Сургута.

– Да уж, Филипп, что-то не густо, я смотрю, ты живешь? – сказал друг, немного выпив за ужином. – Я не в осуждение, конечно, ты не подумай ничего такого.

– Да нет, не переживай, я историю преподаю в вузе. Сам знаешь, какие сейчас зарплаты, но на жизнь хватает в принципе, – неумело соврал Филипп. Друг это заметил.

– Филипп, да ты же у нас светлая голова. Отличником был в институте, а теперь вот прозябаешь. Давай к нам в управление по бурению? Переучим тебя на буровика. Начнешь под моим руководством, а там глядишь, и начальником отдела сделаем.

– Да какой я буровик? У меня образование гуманитарное!

– Как и у меня, Филипп, – уже на полном серьезе сказал друг, сменив тон, – а я начальник управления сейчас. Я же говорю, переучим тебя. На фоне сегодняшних буровиков ты еще и звездой станешь. А пока будешь учиться заочно, я тебя к себе определю.

– А зарплата? – на всякий случай спросил Филипп, изнывающий от недостатка денег.

– По этому поводу не переживай, уж куда больше будет, чем сейчас у тебя.

– Ну не знаю, неожиданно как-то...

Вечером Филипп обсудил предложение друга с женой, а на утро следующего дня отнес ректору заявление об уходе из института. Делал он это неохотно, с тяжестью в сердце, пару раз даже хотел порвать бумагу, но решил принятое решение не менять. Он понимал, что для семьи так будет лучше. Через неделю Филипп уехал в Сургут. Друг не ошибся в своем выборе: Филипп осваивал науку бурения со свойственной ему страстью к обучению и уже через год был готов сдать весь курс экстерном. Еще через год выполнял обязанности главного инженера на буровой. Работа Филиппу нравилась: деньги платили хорошие, друг помогал двигаться по карьерной лестнице, семья была довольна. Но со временем Филиппу стало сильно не хватать его лекций и общения со студентами. Он часто приходил домой после работы, расставлял в своей комнате стулья, представляя, что на них сидят слушатели, и начинал свое выступление. Поначалу это казалось странным его жене и детям, но со временем они привыкли, поняв, что Филипп в эти моменты расслабляется и уходит в какой-то ведомый только ему мир. Мир, в котором Филиппу хорошо.

Шли годы. Филипп стал постепенно забывать о своих лекциях, перешел в западную компанию на работу сейлса и сильно приподнялся в зарплате. Жена была беременна уже третьим ребенком. Работа в новой компании была разъездной и позволяла много общаться с заказчиками, а иногда даже делать презентации. Филипп снова ожил, выступления вселяли в него силу. Втайне он мечтал о том, что накопит денег, купит квартиру, чтобы сдавать ее, и вернется в... университет. По выходным рассаживал своих детей по стульям и читал им свой курс. Жена уже не обращала на это внимания, относилась с пониманием к этой странности мужа.

– Филипп, ну не мучай их своей историей, пусть лучше мультик посмотрят, – умоляла она.

– Они и так мультики смотрят, пусть лучше про реформы Петра послушают, гораздо полезнее, – на полном серьезе говорил Филипп и перелистывал тома лекций.

– Какого еще Петра? Они же маленькие. Что ты несешь?

– Первого! Петра Первого! – гордо говорил Филипп, видимо, представляя себя в образе царя.

Дети не могли долго слушать Филиппа – при первой возможности убегали в другую комнату, и тот продолжал свою лекцию в одиночестве и полной тишине. Он к этому привык. Но ему не хватало вопросов аудитории, общения с ней и уважения. Не хватало какого-то внимания людей и их эмоций.

Филипп открыл глаза и понял, что он так и стоит в кабинете главного буровика. За окнами уже заметно потемнело, и он вдруг подумал, что про него могли и вовсе забыть и закрыть в комнате. Филипп рванулся к двери, схватился за ручку, дернул ее изо всех сил и увидел перед собой испуганную секретаршу главного буровика.

– О Господи, вы еще здесь? – схватилась она за сердце. – Вы меня до смерти напугали!

– Извините, я задумался... – стал оправдываться Филипп.

– Так Николай Денисович уже два часа назад уехал. Вы что, все это время у него в кабинете были?

– Видимо, извините еще раз, воспоминания нахлынули...

Филипп не стал продолжать беседу – пройдя мимо секретарши, он спустился по лестнице и выбежал во двор. Поймав первую попутку, он сразу же отправился в отель. Ему хотелось остаться одному, достать свои лекции, представить шум аудитории и... почитать. Расслабиться. Почувствовать себя тем, кто он есть на самом деле, почувствовать себя преподавателем истории.

Он доехал до отеля, расплатился с водителем и быстрым шагом направился в номер, захватив пару бутербродов на ужин. В ресторан он решил не идти – ему не хотелось терять время на еду. Ведь впереди был целый вечер, вечер истории государства Российского! Перед тем как начать свою лекцию, он позвонил жене, отчитался перед ней, в надежде, что она больше не будет ему перезванивать и отвлекать его от процесса. И через полчаса, предварительно расставив стулья, он начал читать свою первую лекцию...

Ближе к девяти в номере зазвонил телефон. Филипп прервался на звонок и, сняв трубку, спросил недовольным голосом:

– Да, кто это?

– Отдохнуть не желаете? – спросил приятный женский голос.

– В смысле отдохнуть?

– С девушкой...

Филипп сначала задумался, пытаясь понять, о чем идет речь, и взял небольшую паузу. Женский голос продолжил:

– Мы можем подняться к вам в номер, вы выберете ту девушку, которая понравится.

– Нет, не надо, – сказал Филипп и положил трубку, поняв наконец о чем идет речь. Ему стало как-то не по себе. В другой раз он не обратил бы на это внимания, но только не во время чтения лекций. Дух университета, царивший в комнате, никак не уживался у него с наличием рядом проституток.

После этого он сел на стул, выждал небольшую паузу и продолжил читать. В его воображении вдруг опять возникла аудитория, полная студентов, их внимательные лица, смотрящие на Филиппа и выражающие глубокий интерес к материалу. Филипп, читая, иногда размахивал руками и повышал голос так, что было слышно даже на ресепшн отеля. Время подошло к десяти, но Филипп не останавливался. Лекции шли одна за другой. И напряжение внутри лектора зашкаливало. Но вдруг зазвонил телефон. Разъяренный Филипп схватил трубку и закричал:

– Да! Слушаю! Что вам от меня нужно?!

– Девушку не желаете?

– Нет!!! – И он бросил трубку.

Звонок немного отвлек Филиппа и сбил с нужного настроения. В голову лезли какие-то ненужные мысли, из воображения исчезла аудитория со студентами, и все сразу померкло. Филипп понял, что больше не сможет настроиться на чтения. Он сел на кровать и стал нехотя есть бутерброды, которые захватил с собой. В дверь постучали...

– Войдите! – прокричал Филипп. В комнату вошли пять молодых улыбающихся девушек. Одна из них осторожно спросила:

– Может быть, все-таки выберете одну из нас? А то вы единственный в этом отеле сегодня, а нам работать надо, – грустно сказала она.

– Сколько? – закричал на них Филипп.

– Вообще-то мы две берем за час, но можно и за одну договориться, а то сегодня вообще пусто тут.

– Беру всех!!! – прокричал Филипп и протянул ей пять тысяч.

– Как всех??? – не понимая, что происходит, спросила девушка, пряча купюру в сумку.

– Всех! Рассаживайтесь!

– Куда?

– На стулья! – И Филипп показал им на стулья, расставленные в комнате. Девушки аккуратно присели и замолчали.

– А что нам делать? – спросила испуганно одна из них.

– Слушать!

Филипп встал перед девушками, достал свои материалы и начал... Он читал кусками, выбирая самые интересные моменты, пытаясь удержать внимание аудитории и выступить как можно эмоциональнее и ярче. Из-за этого он перескакивал с одной лекции на другую, пропуская иногда сразу по несколько страниц. Когда девушки зевали, он начинал активно жестикулировать, повышая голос. По очереди он смотрел в глаза каждой из них и читал все громче, все выразительнее. Он был актером, а они его зрителями. Номер старой гостиницы – его театром. В самые напряженные моменты речи глаза Филиппа слезились, лицо краснело, а руки немного тряслись от напряжения, судорожно перелистывая страницы тетрадей. Под дверь его комнаты столпилась администрация отеля и тоже внимательно слушала...

Так прошел час или немного больше. Филипп наконец-то остановился, глубоко вздохнул, еще раз посмотрел на девушек и, улыбнувшись, сказал:

– Все, теперь можете идти. Вы свободны!

– А как же... – спросила одна из девушек, – ну, это самое?

Филипп оглядел ее с ног до головы, вспоминая похожих студенток, и ответил:

– Вы были хорошими слушателями, спасибо вам за вечер. – Филипп улыбнулся детской улыбкой. На душе у него было светло.

Он проводил девушек, не спеша сложил свои лекции в сумку, умылся и лег в кровать. Через пять минут он заснул, улыбка так и не сходила с его лица до самого утра.

Отель

Погода стояла отличная: утреннее солнце еще не успело нагреть воздух, но в то же время светило ярко, освещая весь парк, по которому уже гуляли пары. Лишь изредка попадались места, где можно было найти тень. Но там никого не было – всех тянуло на солнце. Большинство пар гуляли вдоль тротуаров, обсуждая грядущие выходные и всякие насущные темы. Алексей, обняв Полину, шел по одной из тропинок парка.

Они встречались больше года. Их отношения развивались бурно, и Алексей всерьез задумывался о том, чтобы предложить девушке скрепить их союз официально. К своим тридцати годам он уже устал от неопределенности: постоянные разъезды, новые отели и города истощили его, поистрепали, сделали нервным и раздражительным. Хотелось чего-то постоянного, хотелось той, с которой можно будет создать семью. Алексей очень хотел детей – сам он вырос в многодетной семье и привык, что вокруг него всегда есть малыши. Но у самого семейная жизнь как-то не складывалась. Почти каждую неделю он ехал в новый город и, как правило, к новой девушке. Но это было раньше. До того как он познакомился с Полиной. С ней было все по-другому.

Полина была надежной, постоянной и какой-то настоящей. Она никогда не требовала от Алексея подарков, не устраивала скандалов по мелочам и по возможности щадила его нервы, всегда его слушала. С ней Алексей чувствовал себя как за каменной стеной – знал, что Полина всегда его поддержит, знал, что она будет рядом в сложный момент, знал, что может на нее во всем положиться. К тому же она была очень красивой – ее прямые русые волосы, красивая фигура, тонкое белое лицо и зеленоватые глаза создавали какой-то загадочный и одновременно манящий образ. Она чем-то напоминала ему русалку – в ней сочеталась какая-то неприступность и что-то очень желанное, что-то очень родное. Он все еще побаивался Полину – не до конца понимал ее, думал, что есть что-то, что она от него скрывает. Но при этом он чувствовал в ней постоянство и преданность. Это было то редкое сочетание качеств, которое Алексей очень ценил и по-своему берег. В то же время он всегда думал о том, что не знает Полину до конца. Не знает, что она думает, и не может читать ее мысли и поступки. Он жутко боялся, что Полина может что-то от него скрывать. За свою жизнь он навиделся много плохого и относился к людям, а особенно к женщинам, с известной долей осторожности и цинизма – его не раз предавали, да и он сам не раз предавал. Все это он знал, поэтому опасался, что то же самое может произойти и с Полиной.

День был самым хорошим и настроение по этой причине было отличным. Алексей пытался спланировать выходной и делал различные предложения Полине:

– Давай на шашлыки сходим? Я куплю сегодня мангал и можно вечером выехать куда-нибудь?

– Я не против, только давай лучше завтра...

– А почему завтра? Сегодня-то чем займемся?

– У меня встреча с подругой... с прошлой работы.

– Хм... ты мне не говорила ничего, – удивился Алексей.

– Не успела просто, как раз собиралась сказать, – как-то особенно нежно сказала Полина и улыбнулась, при этом опустив глаза. Алексей немного насторожился.

– Ну ладно, тогда я шашлыки сам куплю, пока ты с ней будешь встречаться.

Через минуту они подошли к берегу реки, и их разговор переключился на другую тему. Они стали обсуждать свою работу, рассказывать про новых сотрудников в их компаниях. Полина занимала в своей фирме руководящую должность и часто нанимала или увольняла людей. На днях она наконец-то закрыла одну из важных позиций в своем отделе, взяв кан-

дидата, работавшего у нее в прошлой компании. Алексей знал, что Полина долго искала человека, но не знал того, на ком она остановила свой выбор.

– Вчера наконец-то закрыли позицию моего зама. Больше полугода искала человека.

– Ну и кто это наконец? – поинтересовался Алексей.

– Дениса помнишь с прошлой работы? Он там моим замом был.

– Помню, так он же в Корею уехал?

– Ну да, так вот я его смогла переманить обратно. Он классный сотрудник, мы с ним столько дел вместе сделали.

Алексей насторожился и почувствовал себя неловко. Дениса он хорошо помнил, вернее, Полинины разговоры о нем. Самого Дениса он никогда не видел. Когда тот уезжал в Корею, они с Полиной только начинали встречаться. Все вокруг поговаривали, что как раз в этот момент Полина рассталась с Денисом. Тогда, год назад, Алексею было это все равно – он менял девушек быстро, особо на них не закливаясь. И кто с кем расстался, его не интересовало вообще. Но прошел год и все резко изменилось – Полина стала родным человеком и возвращение ее бывшего коллеги не сулило ничего хорошего.

– Это тот, с которым у тебя был роман?

– С Денисом? Да нет, что ты! Придумал тоже, мы были с ним просто коллегами! – отрезала Полина.

«Врет! Ей богу врет, – подумал про себя Алексей. – Был бы мальчиком, поверил, еще скажи, что он твой хороший друг!»

– Он – мой хороший друг! У нас с ним много общего.

«Во как! Что же у тебя с ним может быть общего?» – подумал про себя Алексей, но виду не подал.

– Понятно... – как-то грустно сказал Алексей, и Полина это заметила. Но не поняла его реакции.

– А где он сейчас? Он же, по-моему, квартиру продал, когда в Корею уезжал? – продолжил Алексей.

– Да он в отеле остановился, недалеко от работы, в корпоративном. Пробудет здесь неделю, пока документы будем готовить.

«Да уж, еще и в отеле, рядом с ее работой остановился. Никуда не годится», – окончательно расстроился Алексей.

Вечером Полина договорилась встретиться со старой подругой детства в одном из ресторанов недалеко от своей работы. Они не виделись много лет. В ресторане хорошо готовили, и Полина знала шеф-повара лично – она часто там обедала со своим коллективом. Ей хотелось удивить подругу чем-то нестандартным, какой-нибудь особенной кухней или отношением. Полина знала, что подруга никогда не была в подобных местах и к тому же еле сводит концы с концами. Карьерный рост у подруги не сложился. Поначалу Полине хотелось взять с собой Лешу, но она понимала, что это может смутить подругу и они не смогут поговорить открыто. Поэтому, подумав, она решила не говорить Алексею про эту встречу, чтобы не расстраивать, а сделать все по-тихому, – сказать, что поедет на выходные к родителям. Но случайно проболталась о встрече.

– А Денис-то этот женился? – не унимался Алексей. – Ну, он с женой приехал?

– Нет, до сих пор не женат, по-моему.

– Пора бы, в таком-то возрасте, – сказал Алексей и посмотрел на Полину. Та шла и как будто кому-то улыбалась. Навстречу ей прошел молодой человек с похожей улыбкой, смотря прямо на Полину и даже не скрывая этого. Со стороны выглядело все так, будто эти двое знают друг друга давно и, чтобы не выдать этого знакомства, решили просто улыбнуться, проходя мимо.

«Наверно, это и был Денис... А она ему улыбнулась, мол, все в силе сегодня. Провожу только этого лоха домой и к тебе в отель приеду», – подумал Алексей и решил уточнить одну деталь.

– А ты где со своей подругой-то встречаешься? В каком кафе? – спросил он.

– А у нас рядом с работой есть неплохое местечко.

– Может, лучше тут, рядом с домом? Я несколько ресторанов знаю хороших, могу вам столик заказать, – стал настаивать Алексей.

– Нет, не надо... – засмушалась Полина. Ей было неловко за то, что она не рассказала Алексею про встречу с подругой. – Мы уж как-нибудь сами...

«Засмушалась вся... Как-нибудь сами... Понятно, что сами. Лишние вам в таких делах не нужны... Тут уж ты справишься, я не сомневаюсь».

Они дошли до конца парка, больше не разговаривая. Полина чувствовала себя виноватой в том, что не рассказала про встречу заранее. Алексей же в это время рисовал в своем мозгу различные картины того, что будет происходить вечером в отеле между возлюбленной и приехавшим сотрудником. От этого у него на лбу проступил пот, а к глазам подступили слезы. Полину он почти ненавидел. Через час они уехали домой, так и не заговорив.

Полина собиралась долго: около часа она красилась, затем искала свои чулки, которые не надевала с момента первых встреч с Алексеем, а в довершение ко всему надела свое самое эффектное голубое платье и кольцо.

«Вот бл...дь... еще и оделась-то как. Любой кобель мимо не пройдет теперь», – запереживал всюду Алексей, и тут у него возникла идея. Он решил проводить Полину. Если даст проводить, то все хорошо – зря я надумал все это. Если нет – то все тут белыми нитками шито.

– Слушай, а давай я с тобой съезжу? Провожу тебя, мне все равно дома делать нечего... – спросил он.

– Давай, – нехотя ответила Полина и немного погрузнела.

«Не хочет, боится, значит. Боится, что ее Денис нас увидит», – подумал Алексей и надел свои самые старые рваные джинсы с футболкой, которые Полина давно собиралась выкинуть.

– Поехали? – обратился он к Полине.

– Поехали... – ответила она и посмотрела на одежду Алексея с каким-то пренебрежением и отвращением.

«Не дай бог припрется в ресторан в этих джинсах и рваной футболке», – подумала она.

Они вышли из метро и направились в сторону ресторана. Рядом располагался отель, в котором жил Денис. У Алексея сдавливало от обиды грудь и пересохло в горле. Он шел и едва сдерживал слезы. Полина смотрела на него с каким-то отторжением, на ее лице он видел не то страх, не то неприязнь, в общем, что-то однозначно недоброе. Казалось, ей было противно все происходящее. Внезапно она остановилась и сказала:

– Дальше я сама уже пойду. Спасибо, что проводил... – И она посмотрела на его джинсы.

– Может, я тебя уж до отеля провожу? – съехидничал Алексей.

– До какого еще отеля? – не поняла Полина.

– Ой, до ресторана! – исправился он и засмеялся громким голосом.

– Я лучше сама. Увидимся дома! – сказала она, повысив тон.

Она повернулась и пошла вперед – не то к ресторану, не то к отелю. Алексею было уже все равно. Он с трудом дошел до первого магазина, купил бутылку виски и с ходу выпил грамм двести:

«Вот жизнь... Как же дальше-то? Кругом одно предательство и проблемы. Если бы не бухло, то можно тут и с ума сойти, – думал он у входа в магазин. – А эта-то... еще той оказалась! Испугалась вся, задрожала, когда я с ней пошел. Да хрен с вами со всеми...»

Алексей сел на ступеньки и закурил. Допив остатки виски, он поехал туда, где мужчинам обычно бывает весело. Туда, где про чувства можно забыть, а от женщин отбоя нет. Туда, где он не бывал уже больше года, с момента его первой встречи с Полиной. Чтобы его не тревожили, он отключил телефон. В этот момент Полина рассказывала подруге, что наконец-то нашла того, кого так долго искала...

Время

Макс лежал в своей комнате и отрешенно смотрел в потолок, по которому ползала зеленая толстая муха. Ее движения успокаивали Макса, отвлекали от тяжелых мыслей, а едва слышное жужжание погружало в легкую дрему. Муха помогала Максиму заснуть, поэтому он не спешил ее убивать или прогонять: последний год он мучился сильной бессонницей, от которой ему не помогали ни снотворные, ни алкоголь. Последний, кстати, еще сильнее усугублял его и без того непростое состояние. Макс уже не пил, боялся сойти с ума, боялся, что внутри него порвется та тоненькая нить, которая все еще связывает его с реальностью. Он смотрел на муху и думал вслух:

– Плохо, что я не могу стать мухой и остаться тут... с тобой в этой комнате. Жили бы вместе и не летали бы даже на улицу. Не нужна нам эта улица. – Но я ведь человек. А у человека все сложно! Не так, как у мух.

Он встал с кровати, подошел к зеркалу и посмотрел на свое отражение. Огромные круги под глазами и синеватое лицо выдавали скверное состояние Макса. Здоровье было сильно подорвано затянувшейся депрессией и бессонницей. Рядом на тумбочке лежал отключенный несколько дней назад телефон – Макс не хотел, чтобы его беспокоили ни друзья, ни коллеги. Чтобы они не будили его, если он наконец-то заснет. Он даже не знал, уволен ли он с работы за постоянные прогулы или нет. Хотя и это мало его беспокоило. Макс подошел к тумбочке, взял в руки телефон, немного покрутил и... швырнул со всей силы за диван. У телефона отлетела крышка и вспугнула муху. Она взлетела и рванулась в сторону окна, ударилась о стекло, упала на подоконник. Макс похолодел: муха была всем, что связывало его с внешним миром. Она была для него важнее самых важных в этой жизни людей. Муха была для него надеждой. Он подбежал к ней, схватил за крылышко и стал вглядываться в маленькую мордочку, пытаясь угадать признаки жизни.

– Ты только не умирай, я же совсем один тут останусь... не умирай, пожалуйста, слышишь... – В этот момент муха стала шевелить лапками, и Макс, обрадовавшись, побежал к холодильнику за банкой меда. – Я тебе сейчас меда дам. Ты поешь и поправишься, обещаю мне только не умирать.

Когда Макс вернулся в комнату, муха уже, как и прежде, ползала по потолку. Он улыбнулся, прыгнул на диван, как в детстве обнял подушку и, расслабившись, стал потихоньку засыпать. Стадии сна стали следовать одна за другой: легкая дрема, с трудом отличимая от обычного состояния, какие-то нереальные образы и мысли, и вдруг Макс опять увидел зеленую муху. Она сидела на кухне и ела мед, расположившись на одном из его стульев. Размеры у мухи были человеческие, и помимо крыльев у нее были еще и маленькие лапы, на одной из которых были надеты командирские часы. Увидя Макса, муха громко закричала, указывая лапой на часы:

– Время, Макс, ты просто теряешь время! – в этот момент Муха взяла ложку с медом и облизала ее.

– А вы что, говорить умеете? – испугавшись, прошептал Макс.

– Умею, только во сне. А мы как раз в этом самом сне. Так вот, время, Макс... – И Муха опять посмотрела на часы.

– Что мне делать, Муха, вы скажете мне? Я все исполню как надо, – взмолился Макс.

– Найди ее, а то подохнешь в этой комнате. И меня некому кормить будет. А я сдохнуть не хочу, у меня еще планы есть.

– Я понял, Муха. А где? Где мне ее искать?

– Ты сам это знаешь, Макс... Время!!! – закричала Муха и стала резко уменьшаться до своих естественных размеров. Она взлетела, села Максу на нос и начала его щекотать. Он попытался ее отогнать и вдруг... проснулся.

Муха сидела на потолке, банка с медом стояла на тумбочке рядом с зеркалом. «Фу... ну и сон! Бред какой-то... А может, это вещий сон? Может, мне надо найти ее?» – подумал Макс, стирая пот со лба.

Пара часов сна немного взбудрили Макса. Он собрал свой телефон, умылся, затем оделся и пошел на улицу пообедать в ближайший ресторан. Заказав борщ и какое-то второе блюдо, он стал читать газету, которую купил на выходе из дома. Первые два разворота были посвящены какой-то светской львице с огромным бюстом, блондинке. «Женщина – сиськи», – подумал Макс и улыбнулся. Настроение у него улучшалось. В этот момент к нему подошел официант, на руке которого были надеты командирские часы, такие же, как были во сне у мухи.

– Желаете что-нибудь еще? Десерт? – поинтересовался официант.

– Нет, спасибо. А что у вас за часы такие на руках? Как у моей мухи прямо...

– Что, простите? Какой еще мухи? Не понимаю вас.

– Забудьте. Это я так, глупость в общем. Но все же откуда часы у вас эти?

– Мне отец подарил незадолго до смерти. Он был странный человек, немного не в себе был последний год.

– Почему? Как это выразалось?

– Ну, он все время смотрел на эти часы и говорил, что-то вроде того... Время, Миша, – обращался он ко мне, – время, мы просто теряем время!

– В каком смысле, что он имел в виду? – приподнялся со стула Макс.

– Я не знаю, что он имел в виду. Но перед смертью отдал мне часы и сказал, что я не должен повторить его судьбу и... не терять времени. Тоже, кстати, про какую-то муху все время бредил, – безразлично ответил официант, а Макса в этот момент прошиб пот и он расстегнул воротник.

– Извините, но мне нужно идти... – Он наспех вытащил пятитысячную купюру из бумажника, сунул ее в руки официанту и выбежал на улицу, не дожидаясь сдачи.

Буквально ворвавшись к себе в квартиру, Макс подбежал к компьютеру, включил его и, зайдя в Интернет, купил билет в Ноябрьск на первый же рейс. Около года назад он работал на одном из месторождений, находившемся недалеко от этого города. Там стояла их сейсмическая партия. Макс был обработчиком и проверял качество записанных данных. По этой причине почти весь свой день проводил в небольшом вагончике-балке, работая на компьютере. Рядом с ним сидел молодой полевик Женек, отбывающий институтскую практику. Женек был по природе человеком ленивым и все время отвлекал Макса от работы глупыми расспросами:

– Макс, а сколько, на твой взгляд, мужчина без женщины может выдержать?

– Не знаю, все мужчины очень разные. Кому-то надо несколько раз в неделю, а кто-то и месяц может спокойно жить без этого.

– А ты вот, Макс, к каким ближе? – не унимался Женек.

– Ко вторым, скорее.

– А сколько ты здесь сидишь безвылазно?

– Два месяца, скоро уже вахта закончится. Домой, в Москву, поеду.

– И там... в этой Москве... ты наконец-то?.. Ну, ты меня понял, – стал, посмеиваясь, говорить Женек.

– Слушай, отстань уже. Не смешно.

– Так! Может, у тебя тут есть кто-нибудь, из местных девушек? – не унимался Женек.

– Да ну брось ты, скажешь тоже. Мы с ними и не общаемся. Они нам только продукты привозят. У них тут стоянка недалеко.

– Да, я знаю. Ходил сегодня к ним за рыбой, на водку поменял. Там, кстати, тоже есть девушки симпатичные, хотя и замотанные в эти шубы. Но вот если их размотать и раздеть, Макс... – заулыбался Женек, – так там такие девушки будут, похлеще московских! Только их еще и отмыть надо.

– Хватит уже языком молотить дурь всякую, – не на шутку обозлился Макс. Максим старался перевести тему на что-нибудь другое. Зная болтливую природу паренька, он не хотел обсуждать с ним личные темы, в крайнем случае, общался только по рабочим вопросам. Но Женек не унимался:

– А давай их к нам пригласим? А? Им там тоже скучно ведь сидеть в своих юртах? Выпьем чего-нибудь с ними, за жизнь поговорим, ну а там, может, чего и выйдет.

– Слушай, Женек, не пори чушь, нам с ними лучше не общаться. Да и не пойдут они сюда, они тоже нас боятся.

– А спорим? – И Женек приподнялся со стула.

– Я не буду спорить, я знаю, что никто сюда не пойдет. Это правило, его все знают – они сами по себе, а мы сами. Только бартер продуктов, больше никаких отношений.

– Хорошо, но если я их смогу затащить к нам, то с тебя вся выпивка и продукты, – с долей задора заключил Женек.

– Не сможешь, – заключил Макс и продолжил обрабатывать данные. Через пару часов оба легли спать.

Потихоньку прошла рабочая неделя, и Женек с Максом поехали закупаться продуктами на рынок, который по выходным собирали местные ханты, недалеко от стоянки сейсмической партии. Продукты и всякая утварь, как правило, менялись на водку или какие-то побрякушки, привезенные с Большой земли. Можно было расплатиться и деньгами, но их ханты почему-то не очень жаловали и сильно завышали цены. Водка была для них куда предпочтительнее: на пару бутылок можно было обменять недельный запас продуктов и вдобавок выпросить шкурку какого-нибудь зверька. Торговля велась исключительно на улице, юрты, развернутые наспех, использовались для хранения товаров.

Женек с Максом подошли к одному из прилавков, за которым стояла девушка. На вид ей было не больше двадцати лет. Купив у нее необходимых продуктов, вернее, обменяв их на водку, Женек начал заранее подготовленный разговор:

– Девушка, а как вас зовут? Если это, конечно, не секрет.

– Хором, по-вашему, Катя, – спокойно ответила девушка.

– Ты у нас Катерина, значит. Вот и познакомились. Слушай, а ты не знаешь, как тут люди вечером отдыхают? Ну, куда сходить можно, время провести?

– Не знаю, мы вечером в юртах чай пьем обычно.

– Да и мы тоже со скуки тут уже вешаемся с Максом. Знаешь что? А бери подругу и приходите к нам с Максом вечером. Посмотрим фильм какой-нибудь, вина выпьем, повеселимся, одним словом, – вдруг предложил Женек. В этот момент Макс уже собирался уходить, понимая, что девушка откажет, как вдруг услышал то, чего явно услышать не ожидал.

– Я только с ним. – И Катя осторожно показала пальцем на Максима, который явно не ожидал такого развития событий.

– С ним так с ним, ты только подругу возьми, чтобы и мне не скучно было, – продолжил Женек.

– Возьму, – безразлично сказала Катя.

– Ну так договорились! Когда вас ждать?

– Мы ночью придем. Надо, чтобы все спали, а то нас не отпустят.

– Это правильно. Пусть и у нас все заснут, чтобы не было сплетен потом, – сказал Женек, который сам же первым и распускал все сплетни.

Ближе к полуночи Женек с Максом накрыли своеобразный стол: открыли две банки рыбных консервов, порезали колбасы с хлебом и поставили две бутылки крепленого вина. Несмотря на всю опасность грядущего предприятия, молодые люди были в приподнятом настроении в ожидании вечера, а вернее, даже ночи. Макс, который изначально относился ко всему скептически, был явно воодушевлен ожиданием события:

– Молодец, Женек, что не струсил. Хоть какая-то радость, а то уже неважно тут сидеть одним. Пообщаемся, выпьем – уже хорошо.

– А может, и не только? Видел, как эта Катя на тебя смотрела? Тут все сразу понятно. Любовь!

– Да брось ты! С ними нельзя. Сам знаешь. Уволят в момент.

– Да кто узнает? Никто не узнает. Все люди такие – правил напридумывают, а потом те же, кто придумали их, сами первыми и нарушают. А живут по этим правилам только дураки всякие.

– Да знаю я все это, – защищался Макс.

– Так вот и живи по-настоящему, не следуй этой дури прописной. Будет шанс – используй его.

– Ладно, посмотрим.

После полуночи, когда все полевики заснули, Макс с Женьком вышли на улицу и включили фонарик, сигнализируя таким образом девушкам. Последние появились только минут через тридцать: дожидались, пока в их юртах все уснут. Девушки шли очень тихо, пугаясь каждого поскрипывания снега, поэтому пару километров, отделяющих их от стоянки партии, преодолели только за час. На обеих девушках были меховые шубы, сшитые небрежно и грубо из разных шкур, и большие меховые шапки, натянутые почти до уровня глаз так, что было почти невозможно разглядеть их лица. Макс с Женьком пошли навстречу своим гостям, как только их увидели. Пары встретились друг с другом через несколько минут.

– Чего вы так долго? Мы уже думали, что не придете, – начал Женек, обратившись к Кате.

– Ждали, пока все уснут. Это моя подруга... по-вашему, Лена, – представила Катя свою спутницу, которая в ответ неумело улыбнулась. В темноте их было сложно отличить друг от друга: девушки были примерно одного роста, в одинаковых одеждах и с очень похожими лицами. Казалось, что они сестры-близнецы. Но это впечатление рассеялось, как только девушки зашли в вагончик и сняли шапки. Несмотря на тяжелые условия жизни на Севере, в обеих невооруженным глазом была заметна какая-то естественная женская красота. Красота природная, которая сейчас редко встречается в городских условиях. От девушек веяло молодостью и свежестью.

Расположившись за столом, Женек первым делом разлил по стаканам вино и предложил выпить:

– За встречу, так сказать. Рады видеть у себя таких красивых гостей.

– Спасибо, – ответила Лена и почему-то засмушалась.

– Да не за что! Лена, это тебе спасибо, что не испугалась прийти ночью к одиноким романтикам, – начал делать комплименты Женек.

Потихонечку все вино закончилось. Консервы и закуски были съедены, а время подходило к середине ночи. В вагончике помимо табачного запаха появился стойкий запах грязной одежды и немытого тела: северные кочевые народы не мылись зимой, чтобы не замерзнуть. Последнее сильно напрягало Женьку, и он прошептал Максусу: «Помыть бы их, а то так если дойдет до этого, то я вряд ли смогу». Макс тоже ощущал неприятный запах, но был уже достаточно пьян, чтобы придавать этому значение.

На горизонте появились первые лучи солнца, и Катя попросила Макса прогуляться с ней по улице. Через полчаса ей и Лене надо было собираться домой. Они вышли и пошли вдоль линии вагончиков. Внезапно Катя повернулась к Максиму и спросила:

- А где вы моетесь?
- У нас тут что-то вроде бани есть, там можно воды накипятить и помыться.
- Помоешь меня? – спокойно спросила Катя.
- Что? Извини я не совсем тебя понял.
- Ты сможешь меня помыть в этой бане?
- Да...

Макс провел Катю в баню и поставил кипятиться ведро с водой на электрическую плиту, которая была подключена к генератору. Катя села в уголке комнаты и молча ждала, пока Макс нагреет воду. Тот, в свою очередь, удивился спокойствию Кати, так как сам изрядно нервничал. Его руки похолодели, а на лице проступили едва заметные капельки пота. Заметив это, Катя подошла к нему, нежно поцеловала в щеку и прошептала:

- Ты чего напугался? Я что, такая страшная, чтобы меня бояться?
- Да что ты... я просто. Неожиданно как-то все, – говорил Макс со сбившимся дыханием.
- Раздень меня...

Макс повинился и больше не задавал вопросов. Он снял с Кати всю одежду и оглядел ее тело. Оно не было похоже на большинство тех, которые ему приходилось видеть, оно было далеко от модельных канонов, но оно было каким-то естественным и... возбуждающим. Ее мощные бедра и развитые плечи свидетельствовали о тяжелых физических нагрузках в повседневной жизни девушки. Катя подошла к нему и поцеловала его сначала в губы, затем в шею, потихоньку снимая с него одежду. Макс почувствовал ее настоящий запах и обнял ее, страстно обнял. Катя играючи укусила его за ухо и прошептала:

- Помой меня...

Макс снова ей повинился, не задавая вопросов. Катя немного нагнулась и уперлась руками в стену: ее спина прогнулась и тело стало казаться особенно возбуждающим. Макс мылил ее мочалкой, начав с плеч и спускаясь потихонечку к ступням ее ног. Он не спешил. Ему доставляло удовольствие каждое движение. Было видно, как Катя возбуждалась: ее грудь немного увеличилась, соски отвердели, дыхание стало учащаться. Макс смыл с нее мыло. Он с трудом сдерживался – ему хотелось Катю.

- Зайди в меня! – прошептала девушка.

Макс подошел сзади, прикоснулся к ее упругим ягодицам обеими руками и... зашел в нее. На спине он увидел какую-то татуировку, расположившуюся между лопатками Кати, и ощутил сильное возбуждение. Совершив несколько движений, он почувствовал, как Катя начинает ускоряться и возбуждаться. Быстрее, чем он мог выдержать. Темп возрастал... Он что-то хотел сказать Кате, попросить ее не спешить, но в этот момент... не выдержал и кончил. Катя поняла, что произошло, повернулась к нему, улыбнулась и поцеловала в губы.

– Извини, я хотел тебя остановить... чтобы не так быстро. У меня просто давно не было девушки, – начал оправдываться Макс.

– Тебе не за что извиняться. Все хорошо, – совершенно спокойно сказала Катя и стала одеваться.

– Может, я еще смогу... мне надо восстановиться немного, – как-то неловко сказал Макс, – дай мне минут пятнадцать.

– Нам надо идти. Все нормально. Не думай про это. Если я все правильно рассчитала, то сегодня был самый лучший день.

- Для чего он самый лучший? – спросил Макс.

– Для того, чтобы зачать ребенка. Мне нужен ребенок, – в совершенно спокойном тоне заявила Катя.

Макс потерял дар речи от неожиданности, но все же выдал из себя фразу:

– От меня? Зачем?

– У нас одни родственники вокруг, и лучше, чтобы ребенок был от чужака, он будет сильнее.

– А как же твои? Ну, родители и родственники, или муж там. Я даже не знаю, замужем ты или нет, – испуганно проговорил Макс.

– Это уже не твоя забота. Одевайся, а то уже солнце встает, мне надо бежать.

Минут через пятнадцать девушки собрались и ушли домой, Макс с Женьком остались в полном одиночестве. Женек достал припрятанную бутылку вина и разлил ее по стаканам. Макс, не дожидаясь тоста, выпил свой стакан до дна.

– Ты чего это так? Без тостов уже пьешь, – возмутился Женек. – Чего-нибудь получилось у вас?

– Нет, – сухо ответил Макс.

– Вот и у меня нет, блин, странные все-таки бабы эти какие-то, не пойму, что у них на уме. Вы как ушли, так эта Лена со мной и говорить перестала, я и так к ней, и сядь, а она только глазками хлопает. А твоя?

– То же самое.

– Хрен их поймешь, чего у них на уме, чего тогда приперлись. Лучше бы мы с тобой это вино на двоих выпили. Эх... – И Женек махнул рукой, как будто пытаясь кого-то ударить.

Через неделю Макс улетел в Москву, через месяц сменил работу и в Ноябрьск и его окрестности больше не летал. Но чем дальше шло время, тем более он становился тревожным и нервным, его беспокоила судьба Кати, судьба его... ребенка, если он, конечно, родился. Он чувствовал себя полным ничтожеством, не способным защитить своих близких людей. Он хотел к ним, но знал, что это невозможно. Знал, что у него успешная карьера, хорошая квартира и машина. Знал, что он вообще состоялся как человек, как специалист, как личность. Знал, что по всем канонам общества он – успешный человек. Что осталось только жениться, нарожать детей, построить дачу – и можно помирать. Макс пробовал встречаться с разными девушками, менял их как перчатки, один раз даже решил жениться, но все время думал только про Катю и... ребенка. Через несколько месяцев у него началась сильная депрессия, а потом затяжная бессонница.

Самолет приземлился в аэропорту Ноябрьска. Забрав свой багаж, Макс сразу же поехал в местную геофизическую экспедицию. Контакты с ее начальником у него сохранились, и Макс рассчитывал на какую-нибудь помощь в поисках Кати. По дороге он купил бутылку дорогого коньяка, в подарок начальнику. Он знал, что придется пить и ему. Но ему уже было все равно.

Оставив такси ждать его у входа в здание, он сразу направился в кабинет начальника. Тот не сразу признал Макса, но признал:

– Максим, какими судьбами, а мне сказали, что ты перевелся? Опять к нам работать?

– Иван Андреевич, мне ваша помощь очень нужна. Вот вам, кстати, коньяк. Подарок от меня.

– Не пью уже год. Хватит, отпил свое. Забери ты свой коньяк, чтобы у меня соблазна не было.

– Хорошо, я заберу. Вы помните, где мы в прошлом году стояли, база где наша была, помните?

– Конечно помню, а что?

– Там рынок был рядом, местные нам еду продавали.

– Было такое.

– Где они сейчас? Мне их найти надо. Это вообще возможно или они уже того, уехали?

– Они сейчас рядом с пятой экспедицией рынок по выходным устраивают. Уж не знаю, кто из них там остался, но вроде бы все те же, что и были. Куда им ехать, пока мы тут, они деньги зарабатывают.

– Спасибо вам, вы просто меня спасли, Иван Андреевич.

Макс выбежал из здания, выкинул коньяк, сел в такси и поехал к расположению пятой экспедиции. Через два часа он уже был там. Но в этот день рынка не было и Максусу пришлось пожить в расположении экспедиции два дня, прежде чем наступила суббота.

Макс приехал на рынок первым, как только поднялось солнце. Местные торговцы раскладывали рыбу, шкуры и мясо каких-то северных животных, протирая глаза и пытаясь проснуться. Увидев Макса, они переглянулись, обменялись какими-то жестами и предложили купить что-нибудь.

– Молодой человек, что тебе? Рыба сегодня свежая, бери, пока не испортилась, – предложил какой-то старик.

– Где Катя, девушка такая? – И Макс попытался руками показать, как выглядит Катя.

– У нас много девушек, мы не знаем, про какую Катю ты говоришь.

Макс выругался и побежал по юртам, расталкивая всех по пути. Он искал свою Катю. Вдруг кто-то его окликнул, это была Лена.

– Макс, ее тут нет, она живет не с нами теперь, – сказала Лена грустным голосом. – Ее выгнали... у нее ребенок.

– Где она, – и Макс схватил Лену за руку, – где она? Не скажешь, я не знаю, что с тобой сделаю!

– Я покажу, только нам нельзя вместе уходить. Наши не должны видеть. Ты в сторону базы, я тебя догоню. Я помогала ей все это время – еду носила ночью и одежду.

Через час Макс с Леной подъехали к какому-то заброшенному поселку, где от силы жили несколько десятков людей, в большинстве своем бывшие заключенные и ссыльные. Из нескольких домов валил дым, и можно было понять, что там кто-то живет. Лена подошла к одному из них и открыла дверь. На кровати сидела Катя и что-то шила, а рядом с ней ползал маленький мальчик, похожий на Максима.

Ничего не говоря, Макс подбежал к Кате, обнял ее и зарыдал. Катя, остолбенев, пыталась прийти в себя, на ее глазах выступили слезы. Только маленький мальчик спокойно сидел и игрался с горбушкой хлеба, на который все время норовила сесть большая зеленая муха. Таких малышу еще видеть не доводилось.

Через несколько дней Макс отключил свой телефон. Через неделю уехал с Катей и ребенком куда-то на Север, в сторону Уренгоя. Больше Макса никто не видел, лишь местные шаманы утверждали, что теперь в тундре появился новый вождь, пришедший с Большой земли и обучивший местных торговле и другим ремеслам. Но для них это вовсе не новость – они говорят, что им это предсказала большая зеленая муха с командирскими часами на руке еще несколько лет назад. В этот момент шаманов переставали слушать...

Борщ

Тимофей Петрович медленно доживал свой век на одной из дач в пригороде Санкт-Петербурга со своей верной женой Анастасией Ивановной. Прожили они вместе больше пятидесяти лет и настолько свыклись друг с другом, что перестали уже обращать внимание на свою вторую половину. Могли пройти рядом и не заметить. Тимофей всю свою сознательную жизнь преподавал высшую математику в одном из городских техникумов, а его супруга работала там завхозом. Но лет десять назад они оба ушли на пенсию и переехали жить за город, на дачу, доставшуюся им по наследству от родителей Тимофея Петровича. Анастасия Ивановна все лето возилась в огороде, осенью готовила банки со всевозможными соленьями, а все остальное время смотрела телевизор или играла в карты со своими подругами по даче. Тимофей Петрович же не разделял увлечений жены и все больше читал газеты и размышлял о политике. Один раз он даже решил написать книгу о своем Отечестве и поделиться взглядами на происходящее в нем. Но в результате так и не смог определиться с названием произведения – «Судьбы России» уже были заняты, а ничего другого, так точно отражающего суть его размышлений, он придумать не смог.

Математика как наука Тимофея Петровича уже не интересовала, не радовала. Новых статей он не читал, а о старых стал забывать. Лишь пачки бумаг, его лекций, сложенные аккуратно в шкафу, напоминали ему о прошлой профессии. С годами появилась у него известная старческая привычка – всех критиковать, начиная со своей жены и ее стряпни и заканчивая новыми учеными и политиками.

– Не борщ у тебя, Анастасия, а свекольный суп! В борще, Анастасия, навар должен быть, мясной. А все остальное так, для красоты. И такой навар, чтобы сверху пленка образовывалась, как только ложку достанешь. А у тебя так – баланда, а не борщ... – возмущался обычно Тимофей, перед тем как съесть борщ.

– Совсем ты невыносимым стал, Тимофей. Занялся бы хоть чем-нибудь полезным, а то... Пень ты старый! Трухлявый!

– Кто?! Сама ты пень! Тьфу на тебя! Я еще... книгу напишу или статью. Ты что, забыла, каким ученым я был? – не на шутку возмутился Тимофей Петрович и замахал в воздухе руками, словно отгоняя от себя мух.

– В техникуме, ты забыл добавить! В техникуме был! Там кроме тебя математикой-то никто и не занимался. А так, в каком-нибудь институте – не заметили бы, – продолжала Анастасия Ивановна.

– Кого не заметили бы? Меня?!

– Тебя, – спокойно ответила Анастасия, уже устав от повышенного тона беседы.

– Да я докажу тебе! Я докажу, на что еще способен. Все эти молодые ученые – сопляки! Мелюзга! Я вот в свое время... – не успел он закончить, как его перебила Анастасия.

– Что ты докажешь, Тимофей? Ты, старый пень! Вот ты кто!

– Я докажу! – с пеной у рта уже не говорил, а кричал Тимофей Петрович. – Я теорему докажу. Непрístupную!

– Какую еще теорему?

– Теорему Ферма! – Сказав это, бывший преподаватель сделал шаг вперед и поднял вверх указательный палец. Тимофей Петрович был весь красный. На его шее появилась большая некрасивая вена, которая пульсировала в ритм сердца. Последнее сильно напугало супругу математика.

– О Господи, уймись ты. Ерундой не занимайся, – попыталась успокоить его Анастасия. – Зря я все это начала. Извини меня, Тимофей. Я лучше тебе новый борщ сварю. Наваристый. Как ты любишь.

– Нет! Не нужен мне твой борщ. – Тимофей вскочил со стула и убежал в свой кабинет, где, закрывшись, просидел до вечера.

Анастасия уже привыкла к взрывному характеру мужа, но сегодня Тимофей разошелся больше, чем обычно, и это сильно тревожило Анастасию. Она опять почувствовала себя несчастной, обманутой, будто не смогла сделать правильный выбор еще в молодости, будто не решилась изменить жизнь, пока еще была для этого возможность.

«Зря я с ним в молодости не развелась, пока еще не поздно было. А теперь мучайся на старости лет с таким дураком...» – подумала она и ушла к соседке играть в карты. Домой Анастасия вернулась уже около полуночи. Тимофей Петрович сидел на кухне с довольным видом и пил чай.

– Ты чего это довольный такой? – осторожно спросила Анастасия.

– Доказал! Теорему-то доказал! – Он посмотрел на Анастасию и улыбнулся. На его лице было выражение счастья, которое не посещало его уже много лет.

– Но ведь эту теорему уже двести лет доказать не могут, а ты тут за вечер ее доказал. Не дури Тимофей, ты уже лет десять ни одной книги по математике в руках-то не держал. Иди лучше спать ложись, – аккуратно сказала Анастасия тихим голосом.

– В том-то и дело, что не держал. У меня как будто прозрение наступило, как будто вся эта зашоренность ушла. Я на вещи по-другому смотреть стал! Ты пойми, Настя, все гениальное – оно просто! И тут все просто оказалось!

– Давай я тебе лучше завтра борща сварю? Наваристого, как ты любишь.

– Да иди ты к черту со своим борщом! Тебе только борщ варить и осталось, больше ничего не умеешь. Муж такое открытие сделал, а она опять со своей стряпней. – В этот момент Тимофей вскочил и побежал к телефону.

В течение следующего часа он обзванивал своих знакомых математиков, рассказывая о том, как смог осилить доказательство теоремы Ферма. В подробности доказательства, однако, не вдавался, понимая всю ценность открытия и опасаясь за то, что старые друзья могут попытаться использовать его догадку в своих целях. Тимофей Петрович ликовал.

Перед сном он подошел к уже задремавшей жене, нежно поцеловал ее в лоб и прошептал:

– Все гениальное – просто, Настенька.

Всю ночь Анастасии снились страшные сны, которые она всегда трактовала по-своему. В каждом таком сне она видела определенный знак и считала его своего рода посланием. Сегодня ей приснилось, что она всю ночь бегает по зданию Московского университета и кого-то ищет. Открывает кабинеты, а в них никого нет. В конце концов Анастасия добегает до кабинета заведующего кафедры, врывается в него, а на месте хозяина кабинета сидит ее муж и что-то усердно пишет на листке бумаге трясущимися руками. Она осторожно подходит к Тимофею, который не обращает на нее никакого внимания.

– Тимофей, поехали домой, ты чего расселся тут в чужом-то кресле? – тихо прошептала Анастасия и прикоснулась к руке мужа.

– Что-то тут не так, Настя, ошибка закралась в доказательство теоремы. Не сходится что-то... – И Тимофей нервно продолжил что-то чертить на листке. Лицо его было бурым от напряжения, а на шее пульсировала темно-зеленая вена.

– Домой, Тимоша, поехали домой. Я тебя прошу. Я тебе борщичку твоего любимого сварю, – умоляла жена.

– Не могу, Настя, все же просто!

– Что просто, Тимоша? – тихо спросила Анастасия.

В этот момент Тимофей вскочил на стул и закричал надрывным голосом, поднимая указательный палец вверх:

– Все гениальное просто! А иначе и быть не может. А ты убирайся варить свой борщ, раз больше ни на что не способна!

В этот момент Анастасия проснулась, смахнула рукой пот со лба и пошла умываться. В коридоре она обратила внимание на часы: время подходило к полудню. Обычно она вставала рано, но, видимо, бессонная ночь и кошмары нарушили ее режим. Спустившись на кухню, она заметила, как Тимофей откуда-то возвращается. Он зашел в дом, переоделся и, радостный, подошел к жене.

– Ты где был? – спросила Анастасия испуганным голосом. Сон все еще будоражил ее мысли.

– На почту ходил. Доказательство теоремы выслал заведующему кафедры общей математики в МГУ. Матвей дал его адрес, говорит, что раньше с ним в Москве работал, когда тот еще такой птицей не был. Говорит, что тот – мужик толковый, а главное, порядочный! В нашем деле – это главное, а то сопрут доказательство, – гордо заявил Тимофей.

Услышав про МГУ, Анастасия вздрогнула. Тимофей это заметил.

– Ты чего трясешься?

– Мне сон сегодня нехороший приснился... как будто хожу я по МГУ и...

Не успела она договорить, как ее оборвал Тимофей:

– Да брось ты чушь молоть. Сон ей приснился... Бабы сказки все эти сны!

– Но там про МГУ было, – стала защищаться Анастасия.

– Да ты там ни разу-то и не была, в этом МГУ, сон ей приснился... Тьфу! Мне за доказательство теоремы могут премию дать... Нобелевскую! – зачем-то соврал Тимофей, прекрасно зная, что математикам ее не дают. Анастасия не стала спорить с мужем: ушла в свою комнатку, закрылась и тихонько заплакала, предчувствуя что-то нехорошее. Что-то, что может нарушить и поломать ее и без того непростую жизнь.

«Господи, за что же мне это все?! Разве заслужила я себе такого мужа?» – думала она, вытирая слезы платком...

Утром Максим Андреевич зашел в свой кабинет, неспешно разделся, заварил кофе и стал читать газету, которую купил в метро. Он руководил кафедрой общей математики последние пятнадцать лет, был человеком известным в узких кругах. Нельзя сказать, чтобы уж слишком талантливым, но далеко и не посредственностью. Работу свою знал и делал ее хорошо, по совести. При этом медленно готовился к пенсии и мечтал о том, как будет жить на своей даче в Подмоскowie и ловить рыбу. Последнее всегда расслабляло его и повышало настроение. Был Максим Андреевич человеком хоть и строгим, но в душе добрым. А с родными – вообще мягким.

Он медленно растянулся в кресле, отпил немножко кофе и стал читать первую попавшуюся статью в газете. В этот момент в кабинет постучали. Не успел Максим Андреевич повернуть свою голову в сторону двери, как на пороге кабинета уже стояла его секретарша Люба. Она была немного взъерошенной, было видно, что она откуда-то бежала.

– Максим Андреевич, вам письмо! – выпалила она с порога.

– От кого? Я ничего такого не жду!

– От Тимофея Петровича из-под Питера.

– Не знаю таких. Выкинь ты это письмо. Хотя ладно... давай посмотрю. А то уж потерял место, где читал, – с недовольством сказал Максим Андреевич, откладывая в сторону газету.

Он взял конверт, распечатал его и начал читать письмо. С каждой минутой лицо Максима Андреевича становилось все краснее и злее: уголки его губ вытянулись в линию, на лице проступил пот, а веко левого глаза немного задергалось. Еще через минуту он вскочил, скомкал письмо, выбросил его в ведро и вызвал секретаршу.

– Люба, в следующий раз сами читайте письмо, перед тем как мне его нести! Только настроение испортили!

– Опять ферматист? – испуганно спросила женщина.

– Именно! И странно, что его письмо попало прямо ко мне. У нас вон два мешка таких писем лежит в подсобке, которые вы, между прочим, обещали мне выкинуть! Их же аспиранты уже посмотрели.

– А что, в этом тоже ошибка была? – зная наперед ответ, решила спросить Люба, чтобы хоть как-то отвлечь начальника от своей оплошности.

– Да, и представьте – на первой странице. Причем довольно глупая! Видимо, когда-то человек занимался математикой... но очень давно! Умные мысли все-таки были в самом начале.

– Извините, теперь я буду сама все просматривать, – виновато сказала Люба и опустила взгляд, давая понять начальнику, что больше ее ругать не стоит.

– Пожалуйста, возьмите под свой контроль, – сказал Максим Андреевич и закончил разговор.

Прошло несколько месяцев, а Тимофей Петрович так и не получил ответа из Москвы. Последнее сильно угнетало старика: ночами он мучился бессонницей, а каждое утро бегал на почту проверять, не пришел ли долгожданный ответ. Жена обратила внимание, что Тимофей сильно сдал за это время, похудев килограммов на пять.

– Тимоша, поешь уж борща. Я тебе наваристый сварила, – нежно начинала свой разговор жена.

– Не до борщей мне, Настя. Видимо, потерялось мое письмо. Точно потерялось. Так бы уже ответ пришел.

– Успокойся, Тимоша, забудь уж про письмо. Живи уж так... без теоремы этой.

– Ты что, сдурела совсем?! Там же мировое открытие! Думай в следующий раз, когда такие глупости говоришь!

На следующий день Тимофей Петрович поехал в город покупать билет на вечерний поезд в Москву, который прибывал туда рано утром. Одного дня в столице должно хватить на встречу с руководителем кафедры. Обратный билет в Питер был куплен на поздний вечер. Вернувшись домой, Тимофей еще раз аккуратно переписал доказательство теоремы на чистые листы, сложил их в портфель и закрыл его маленьким ключиком, чтобы никто туда не залез. Вечером уже был на вокзале в Питере, а утром – в Москве.

С Ленинградского вокзала он сразу же направился в МГУ. Приехав на станцию метро «Университет», он немного поблуждал в окрестностях главного здания, поспрашивал студентов о том, как лучше дойти до кафедры, и через час уже был там. Найти кабинет заведующего оказалось несложно – о его местоположении знал любой студент математического факультета. Тимофей Петрович осторожно подошел к дубовой двери, прислонился к ней ухом, чтобы проверить, что заведующий кафедры там, и... аккуратно постучал:

– Заходите! – донеслось из глубины кабинета.

Тимофей Петрович открыл дверь и сделал шаг внутрь комнаты. Сердце его колотилось от напряжения.

Перед собой он увидел высокого темноволосого, на вид интеллигентного человека в очках, с довольно строгим лицом. Последнее выражало некое недоумение от происходящего. Заведующий немного насторожился и стал ждать, пока заговорит его случайный гость, видимо, предполагая, о чем может пойти разговор.

– Простите за беспокойство, я – Тимофей Петрович, – кротко начал Тимофей, – я вам доказательство теоремы выслал полгода назад. Вы не изучили?

– Какой еще теоремы? – уточнил Максим Андреевич, прекрасно понимая, о чем говорит гость.

– Теоремы Ферма, я ее... доказал, – улыбнувшись, начал Тимофей. – Там оказывается просто все так. Сейчас объясню...

В этот момент Максим Андреевич резко вскочил с кресла, напугав гостя, и закричал во весь голос:

– О Господи! Люба!!! – В кабинет забежала Люба. – Люба, кто пустил сюда этого человека?

– Я отходила в другое здание. Извините, Максим Андреевич, сейчас разберемся, – стала оправдываться Люба.

– Люба, выведите его, а то я за себя не ручаюсь! – уже хрипел Максим Андреевич от злости. – Не хватало еще, чтобы все эти люди ко мне приезжали!

– Минуточку-минуточку, успокойтесь, пожалуйста, Максим Андреевич, – стала оправдываться Люба. – А вы, уважаемый, покиньте кабинет, без спросу вломились к заведующему кафедры. Не стыдно вам?

Тимофей Петрович похолодел от увиденного, его руки задрожали, а ком обиды подкатил к горлу. Он сделал шаг к столу Максима Андреевича и прокричал:

– Так вы не будете знакомиться с доказательством?!

– Вон!!! – заревел заведующий и ударил по столу кулаком.

– Ты... ты убийца науки! – в отчаянии закричал гость.

В этот момент Тимофей Петрович увидел указку, стоявшую рядом со столом Максима Андреевича, схватил ее и со всего размаху ударил ею по лбу заведующего. Очки последнего разлетелись вдребезги. Обеими руками тот схватился за лоб, из которого хлестала кровь, и закричал на весь этаж. Люба от увиденного слегка пошатнулась, как-то глупо улыбнулась, что-то прошептала и, обмякнув, облокотилась на стену. На крик Максима Андреевича сбегались студенты – они схватили Тимофея Петровича, связали его старой шторой и вызвали полицию. Через час старый преподаватель был в отделении.

Тимофею Петровичу дали два года в колонии общего режима за нападение с целью причинения вреда. По странному стечению обстоятельств он был распределен на кухню и назначен поваром, несмотря на то, что место это было блатным и местные авторитеты оставляли решение по кандидатуре за собой. Но уж больно хорошо он варил борщ, который, как признали бывалые зэки, ни у кого из предыдущих поваров не получался еще таким наваристым и вкусным. «Видимо, он открыл какой-то специальный рецепт», – шептались между собой заключенные и хвалили Тимофея Петровича.

Свадьба

Антон любил Ленку еще со школы, с того момента, как ее увидел. На первом звонке они были самой красивой парой. Их фотография, сделанная школьным фотографом, даже попала в местную газету – ими гордился весь город. После этого учителя посадили их за одну парту, и они просидели вместе до средней школы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.